

КРЕДО КРИТИКА

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО О СЕБЕ, ЭПОХЕ И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Подводя итоги своим семидесяти пяти годам, поневоле задумываешься: зачем жил, зачем работал? Кому нужна твоя работа литературного критика? Да и что это такое — литературный критик?

Конечно, приятно поддержать друзей и единомышленников. В своё время и Александр Пушкин на упрёки: мол, печатает и пропагандирует в журнале "Современник" не ахти каких талантливых литературных друзей, того же Кюхельбекера, к примеру, — отвечал, что друзья ему дороже злобной литературной черни. К тому же, он и как поэт понимал необходимость литераторов самого разного уровня, важность опоры на верных соратников.

Значит, критику необходимо лишь поддерживать те или иные общественные и политические направления в литературе, почти не обращая внимания на художественную ценность самих произведений? Нет, нет и нет. Конечно, направленность критика крайне важна, и никада он не уйдёт от политики, от своей политической ориентации и национального менталитета. Но не может быть спора без самого предмета спора. Не может быть литературной полемики без самой литературы.

Есть немало так называемых критиков, которые напрочь лишены чувства слова, эстетического вкуса, но готовы поддержать любую книгу, если по идеям она этим критикам близка. Я не считаю подобных критиков — критиками. Это, в лучшем случае, литературная публицистика.

Талантливых литературных публицистов — много. Талантливых критиков всегда, во все времена и в любой стране — крайне мало. В России в любую эпоху найдёшь немало первоклассных прозаиков, хороший яркий поэт — достаточно редкое явление, а вот критиков всегда можно пересчитать по пальцам. Это самый редкий литературный дар. И потому, когда критиков в наличии нет, их роль исполняют сами поэты и прозаики. Бывали в истории и случаи, когда великие поэты и прозаики становились незаурядными критиками. Вспомним Пушкина или Блока. Из моих современников, без каких-либо политических оценок, отмечу блестящий критический дар Александра Солженицына. Поначалу я вскользь просматривал его литературные заметки, но достаточно быстро увидел их эстетическую и общественную ценность, его точное и объективное видение литературы. Даже одна-единственная фраза, например: "природный метафоризм Проханова" даёт важнейшее представление о художественных особенностях анализируемой прозы. Но, честно говоря, чаще всего даже яркие писатели лишены критического дарования. Помню, сколько посредственностей рекомендовал "Нашему современнику" Виктор Астафьев. Не принимал чуждых ему поэтов Юрия Кузнецов. Это отнюдь не снижает их великую роль в русской литературе. Лев Толстой не стал писать слабее от того, что пытался перечёркнуть Шекспира. Да и Шекспиру от этого хуже не стало. Но то, что позволено прозаику и поэту, не должно мешать критику ясно видеть весь литературный процесс своего времени.

Критик, худо-бедно, но определяет иерархию талантов в литературе, и в этом никто не может ему помочь или помешать. Время — самый великий критик — потом установит окончательную иерархию в литературе, но даже время будет опираться на прогнозы критиков. Бездарный критик и иерархию установит ложную, быстро разрушаемую.

Первое условие для реальной литературной критики — это чувство слова. Как бы ни были важны те или иные идеи и идеалы, сначала должен родиться сам ребёнок, то есть художественный текст, а уже потом это дитя начинает примерять на себя одежду. Думаю, что чувство слова, художественное чутьё для критика даже важнее собственного критического литературного дара. Немало ведущих критиков и в девятнадцатом, и в двадцатом веках сами были небрежны в слове, не считались тонкими стилистами, но качество чужого текста они определяли точно.

Впрочем, сам я стал литературным критиком, скорее всего, из любви к талантливой прозе. И к поэзии. С детства был прикрасным читателем, собирал редкие книги по русскому Северу, начиная с изданий восемнадцатого века; по русскому авангарду, по рус-

скому зарубежью. Может быть, и объездил практически все центры русской эмиграции: от Мюнхена до Монтеррея, от канадского Монсевиля до французской Ниццы, — ещё и потому, что отовсюду привозил редкие книги. Писать о других мне казалось важнее, чем писать собственные стихи и рассказы. История книги или судьба писателя иногда оказывались интереснее, чем многие политические сиюминутные события. Так что в число критиков, выросших из неудавшихся прозаиков или поэтов, я никак не попадаю. Сам предпочёл стезю критика и не жалею об этом.

Все-таки литература первичнее. Великие политики прошлого это прекрасно понимали. Последнее поколение ярких национальных лидеров ушло в шестидесятые годы. До того де Голль и Черчилль, Мао Цзэдун и Сталин, и даже злополучные Муссолини и Гитлер всегда, даже в годы войны, находили время для чтения литературных новинок. Сегодня же что левые, что правые лидеры — явные невежды, после школы ничего не читавшие. Литература у политиков не в чести, культура чтения ушла в прошлое. Политическая элита отделилась от литературы. Что толкового можно ждать от таких политиков? Если бы Лев Толстой написал свой великий роман сегодня, никто не стал бы его читать. Раньше политические лидеры играли на струнах культуры, выступления президентов и премьер-министров были переполнены цитатами из стихов национальных поэтов, так они отражали душу своих народов. Сегодня мнение народов выражают видеоблогеры, так называемые "креативщики", одним словом — поп-культура. Они формируют новую культурную среду.

Нужен ли критик писателю? Талантливый критик иногда лучше самого автора видит и величие замысла, и характер героев произведения. Оценивает книгу вернее, чем человек, написавший её. Как бы ни злились иные творцы, даже из числа великих, но критик писателю более необходим, чем писатель критику. Критик, в крайнем случае, может свободно погрузиться в мир прошлого, уйти в изучение вечно живой классики, предлагая варианты нового её прочтения, — ведь каждая эпоха берёт из шедевров прошлого то, что ей необходимо здесь и сейчас. А вот для писателя нет ничего страшнее затянувшегося вокруг его творений молчания. Даже разнуданная ругань вызывает в России сочувствие, а иной раз — и поклонение жертве необоснованных (или обоснованных) гонений. Но сколько у нас случаев и в прошлом, и в настоящем, когда явно талантливый писатель, особенно в провинции, да если ещё не угоджает ни начальству, ни либеральной жандармерии, выпускает до десяти книг — и не получает ни единого отклика в печати. Отпускаются руки, угасают замыслы, и рука тянется уже не к перу, а к рюмке. Как важно для такого писателя вовремя сказанное слово критика!

Но, я считаю, прежде всего, критик необходим не авторам книг, а читателям, всему обществу. Без критиков в литературе наступает анархия, каждый кружок литераторов выделяет своего "гениального гения", в упор не замечая всю остальную литературу, рекламные агенты устраивают пиар состоятельным и влиятельным, но бесталанным литераторам, выдавая их за властителей дум. Почти все модные новинки последнего времени художественно неосостоятельны, это — односторонние, которые забудутся с новым сезоном. Как часто в телевизионных передачах звучат громкие обозначения: выступает гениальный писатель Веллер, а теперь послушайте известнейшего поэта Иртеньева...

Как разобраться читателю: что есть кто? Как восстановить литературную иерархию, к примеру, советского времени? И тогда левые ругали правых бездарей, правые ругали левых бездарей, все вместе иронизировали над "секретарской" литературой, но существовавшая тогда иерархия талантов не разрушена и до сих пор, ибо была точна и справедлива: в ней находилось место Трифонову и Шухшину, Высоцкому и Рубцову, Белову и Аксёнову.

Покажу, где в литературе: ни в Германии, ни в Англии, ни в США, ни в Японии, ни где-либо ещё, — не существовало раздельных литературных галактик. Писатели могли быть коммунистами, как Арагон или Гарсия Маркес, могли на время впасть в фашист-

Во глубине рязанских рош... Октябрь-93. Владимир ЛИЧУТИН, Владимир БОНДАРЕНКО, Дуся ЛИЧУТИНА, Евгений НЕФЁДОВ, Александр ПРОХАНОВ и кот Готша

ские настроения, как Кнут Гамсун или Эзра Паунд, Маринетти или Мережковский, но они не выпадали из литературного процесса. С конца "перестроечных" восьмидесятых годов XX века, властно отрезав всё почвенническое крыло от газет и издательств, от так называемого современного "формата" литературы, либералы, победы внешне на культурном фронте, обрели себя на предельном.

К счастью, сейчас это время уходит. За редким исключением, новое поколение критиков старается следить за всеми главными новинками литературы. И пусть чудесник русского слова Владимир Личутин в основном подвергается критике, пусть ругают Юрия Кузнецова, ярчайшего поэта конца XX века, за его "пещерную мощь". Эта "пещерная мощь", эти кондовые традиционалисты столь же нужны России для её существования, как и новаторы, тянущиеся к изысканм мировой культуры. Цену каждому определяет критика. Тиражи и популярность каких-нибудь Кунина или Акунина ничего не значат в этом олимпийском рейтинге — не та планка высоты.

Для меня критика — такое же творчество, как любой другой жанр литературы. В каком-то смысле и писатели для меня — прототипы моих литературных героев. Если прототипы не угаданы, то и критику тогда грош цена. Но образ писателя, созданный великими критиками прошлого Виссарионом Белинским и Антоном Григорьевым, Николаем Добролюбовым и Николаем Страховым, живёт и в сегодняшнем мире, лишь слегка уточнённый и скорректированный литературоведами всех последующих поколений и эпох. Этот образ у критика рождается так же загадочно и таинственно, как и образы героев романов. Определив общее направление статьи, далее ты погружаешься в мир творений, ещё, может быть, не ведая точно, куда тебя вынесет стихия изображаемого. Конечно, критик зависит от своих героев так же, как прозаик и поэт зависят от той эпохи, в которой живут. Большой талант не может существо-

вать в закрытом, замкнутом и выдуманном мире. Литература рождает национальных героев, хороших или плохих, но предчувствованных в самом народе, в самом обществе, в самом мире.

Критик так же, как и писатель (а иногда — и более активным образом) участвует в продвижении и развитии национальных идей. Талант критика заставляет его делать ставку на самых ярких писателей своего времени, близких той национальной идее, той концепции общества, которая способствует развитию и нации, и самого общества. В этом смысле критик всегда — идеолог. Так было и так будет.

Если я стараюсь разгляпеть не только в узком кругу единомышленников, но и в самых неожиданных ярких произведениях представителей разных течений и направлений движение народа, поиски национального героя, — это не фантастический вымысел. Никто не знает, "из какого сора" иной раз растут не только стихи, но и русские национальные таланты. Путь Владимира Маяковского от стихотворения "Люблю смотреть, как умирают дети..." до державных, дерзких национальных произведений — тому пример. Думаю, что и в лучшей прозе Эдуарда Лимонова подлинной народности побольше, чем у какого-нибудь явного литературного элигона деревенской прозы.

Величие русской литературы — не только в поддержке национальных традиций, но и в дерзновенных открытиях. Я стараюсь сочетать в себе так называемую "кондовость" русской православной культуры и открытость, всеочеловечность по отношению к наиболее ценному в культуре мировой.

Думаю, на этом и должна держаться вся наша стержневая русская словесность.

Владимир БОНДАРЕНКО

16 февраля 2021 г. ведущему русскому литературному критику и публицисту Владимиру Григорьевичу Бондаренко исполняется 75 лет. В. Г. Бондаренко — один из лидеров, определяющих развитие русской патриотической мысли. К юбилею мыслителя в издательстве "Вече" выходит в свет книга о Бондаренко, русском движении и литературной политике 1980-х—2010-х гг.

Сборник ярких воспоминаний и статей объединяет разных, часто высказывающих противоположные мнения, авторов. Неожиданными мыслями о герое и эпохе делятся звёзды нашей патриотики: Геннадий Зюганов, Александр Проханов, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Владимир Личутин, Израэль Шамир и другие.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Мы с Владимиром Григорьевичем Бондаренко — люди одного поколения. Это про нас сказал замечательный русский советский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола Николай Дмитриев:

"Воины не знали мы, но всё же в какой-то мере все мы тоже — вернувшиеся с той войны".

Казалось бы, это самый объединяющий мотив в нашем поколении. Но история на рубеже веков разделила и определила многих из нас совсем по другому принципу. Разве думали наши отцы, что нам предстоит новые информационные и духовные войны? Что наша война будет называться третьей мировой? Это определение впервые публично прозвучало ещё в 1977 году на известной острой литературной дискуссии "Классика и мы" — из уст молодого талантливого литературоведа Юрия Селезнёва. Тогда он сказал: "Третья мировая уже началась".

Я всегда отдавал должное не только таланту, но и политической, исторической интуиции и прозорливости русских литераторов и, может быть, критиков особенно.

Среди моих друзей и соратников был очень яркий писатель, критик и историк Вадим Кожинюв. Я глубоко ценил и уважал также Петра Палиевского.

В самые трудный период начала девяностых меня и нашу молодую партию поддерживали в первую очередь Союз писателей России и русские писатели. Среди них — Валентин Распутин, Виктор Розов, Юрий Бондарев, Василий Белов, Юрий Кузнецов, Валерий Ганичев, Александр Проханов, Эдуард Володин, Игорь Ляпин, Евгений Нефёдов, Сергей Лыкошин и, конечно же, Владимир Бондаренко.

Меня привлекала и сама атмосфера писательской среды — интеллектуальная, разнородная и горячая. Здесь соединялись и сходились разделённые по разным лагерям и коммунисты, и монархисты. И если дипломатия, как принято считать, — это искусство компромисса, то Владимир Бондаренко — настоящий литературный дипломат трудной эпохи перемен.

Те, кто пережил девяностые и нулевые, знают, что никакой "шоковой терапии" демократии не существует. Есть "шоковая хирургия" демократии — жесткая и жестокая. В эти условия терапевтические методы компромисса, к которым прибегал Владимир Бондаренко, — полагаю, все-таки оправданы...

Диву даешься, как ему удаётся ухватить и отразить многоликость русского патриотизма, связать невозможно: Игорь Шафаревич, Александр Зиновьев, отец Дмитрий Дудко, Александр Проханов, отец Александр Шаргунов, Ле-

онид Бородин и множество других, казалось бы, противостоящих друг другу ярких личностей. В таком пёстром kaleidoscope можно было потерять себя, но Володю всегда ведёт верное чувство Пути и Родины, Правды и Справедливости. Потому что он не приемлет глумления над Россией, потому что ему чужда философия скептицизма в отношении своей Отчизны. Отсюда такие, а я бы сказал, живые и злободневные книги: "Трудно быть русским", "Живи опасно", "Русский век в диалогах".

В 1990-м он подписал "Письмо 74-х" в пользу патриотического блока писателей России. А в 1994-м против Владимира Бондаренко было заведено уголовное дело — как следствие его интервью с Александром Зиновьевым.

Однако это не остановило его — он продолжал быть рядом с нами на наших митингах и пикетах. В главном мы были вместе, и это дорого стоит.

Его литературной и политической школой стала газета "Завтра". Своими главными учителями он называет Михаила Лобанова и Александра Проханова. Как профессиональный критик, он оттачивал своё перо, осмысливая и анализируя прозу целого поколения писателей-современников. Это было новое, смелое явление советской литературы, получившее название "сорокалетние" — да, тогда им было по сорок!

Теперь мы называем это поколение "Дети войны". Так же окрестили мы и общественное движение под флагом КПРФ — "Дети войны". Уже более десяти лет КПРФ борется в Государственной думе за особые права и льготы тех, кто родился и рос в годы Великой Отечественной, кто потерял родителей, кто подростками работал у станков и на колхозном поле. Сейчас им уже за семьдесят!

Мне хочется, чтобы и сегодня острое перо Владимира Бондаренко еще раз послужило этой насущной теме. Чтобы он снова вернулся к своим сорокалетним. Чтобы мы опять были вместе.

Я уверен, что лучший урок, который оставила нам русская классика, — это общественная польза литературы. Не случайно либераль-реформаторы так усердно борются именно против русской классики, пуская в ход весь свой разрушительный инструментарий: вивисекции, фальсификации, глумление и т.д.

Я всегда воспринимал творчество Владимира Бондаренко как явление общественной пользы. Пусть же и сегодня не покидает его творческий энтузиазм, горение любви и совести.

Геннадий ЗЮГАНОВ,
Председатель ЦК КПРФ,
руководитель фракции Компартии
в Государственной Думе

КАК НИ ВСПОМНИ Владимира Григорьевича Бондаренко — он всегда с улыбкой. Сто раз мы встретились, и всякий раз я видел его таким: не без изысканной одет, глаза с добрыми морщинами, быстрый взгляд, быстрая, какая-то радостная речь, где спокойные остроты и неизменная доброжелательность замешены с готовностью в любую секунду встать в полный рост за друзей своих, за русскую культуру...

Я заметил, как он сам похож на то, что пишет, на свою публицистику, на свои критические работы. Пишет внятными, иногда чуть заговаривающимися языком — так многое хочется сказать, так многое нужно объяснить! — но без некоторого внутреннего изысканья. У него отличная литературная реакция: он быстро читает, быстро схватывает, строит — вроде бы на скорую руку — новые литературные иерархии. Но, спустя годы и даже десятилетия, вдруг выясняется, что писательские (или поэтические) "ряды", которые так любит перечислять Бондаренко, — действительно. Те, кого он первым (или одним из первых) заметил, назвал, обозначил, зафиксировал, — именно они и оказываются сутью и крепью русской литературы. Самый наглядный

ПУТЬ ВОПРОКИ ВСЕМУ

пример — "поколение сорокалетних", обозначенное Бондаренко 30 лет назад, и по сей день определяющее ход русской литературы.

Бондаренко, помню, давным-давно очень точно заметил, что поэмы Лимонова "Золотой век" и "Русское" на пару десятилетий предвосхитили весь русский постмодернизм.

Бондаренко, в своё время "Огонёк" назвал "врагом перестройки номер один". Это ему, Бондаренко, злопыхатели повесили в своё время мешок с костями у дверей — намекая, что повесят и его. О, какой бистателльный признак литературного успеха и влияния Бондаренко — такое вот поведение его недругов! Много ли мы знаем критиков, месьть которым может вылиться в такие причудливые формы? И вместе с тем, кланусь вам, Бондаренко — добрейший человек.

И Проханов, и Лимонов, и Бондаренко куда более тактичные и добрые люди, чем все наши патентованные либералы, якобы готовые, согласно Вольтеру, умереть за право чужого высказывания.

Слыша либеральных критикесс, я всякий раз удивляюсь, какое количество дистиллированной нетерпимости и злобы они источают.

Бондаренко с его улычивостью и способностью к диалогу — совершенно иной... Незлобивый человек — действительная редкость в литературных ландшафтах.

Критику Бондаренко явно никто не мешает в литературе, он имеет своё и только своё место, не чувствуя себя ни сиротой, ни сектантом в литературном мире. И самое главное — он таким был всегда!

Нынешние печальники о судьбе русского писателя в "нулевые" и "десятые" даже не представляют, кто и как хранил русскую культуру слова все девяностые, когда за книгой того же Бондаренко "Россия — страна слова" я ездил в Москву, в редакцию газеты "Завтра", когда в центральной прессе обнаружить фамилию русского патриотического писателя было невозможно — разве что в ругательном, уничижительном контексте. Но и тогда Владимир Григорьевич источал уверенность в том, что он на своей земле, в своём праве, в своей силе.

Порой Бондаренко может говорить жёсткие вещи, может давать несправедливые оценки. Но в целом картина мира, которую он описывает, кажется мне очень точной. У Бондаренко, безусловно, правильные, ясные, пушкинские представления о государственности, о духовности, о культуре, о человеке. Всё, что сказано им в книге, скажем, "Трудно быть русским" — хоть детям преподавай в начальной школе! Только продуманная позиция, за которую заплачено целой жизнью (а заодно двумя инфарктами и тремя операциями на сердце, о которых он и не помнит будто) — что есть неизменный признак настоящего бойца.

Ещё у Бондаренко, при всех его фехтовальных выпадах в сторону противника, есть такт по отношению к

писателю. Он не стремится к хлёстким критическим ходам, не соединяет едких формулировок, которые вскрывают суть писателя, как будто он консервная банка с фаршем.

"Я знаю, что тайна жизни есть, — сказал как-то Бондаренко. — Но надо ли пытаться разгадать, раскрыть всю полноту этой тайны? Тогда это будет смерть тайны. А смерть тайны — это будет и смерть жизни, и смерть литературы".

Это очень важное его ощущение. Право на тайну, на недосказанность он оставляет всегда. Проницательный критик, понимающий, что писатель всё равно не разбирается на элементах таблицы Менделеева, — это лучший в мире читатель.

Может быть достаточно широким в своих предпочтениях умный и жёсткий критик Андрей Немзер, часто парадоксален, и замечателен в этом Лев Данилкин, саркастичен и смертельно наблюдателен Виктор Топоров, мощно и красиво работает Капитолина Кокшенёва. Но я про любого из названных знаю наверняка, какую книгу, какого автора они не оценят никогда, потому что не оценят, и всё тут.

ПУТЬ ВОПРОКИ ВСЕМУ

Для Бондаренко же — самого настоящего патриота, православного человека и критика с репутацией — нет никаких преград, если речь заходит о настоящей литературе. Он своему треклятому врагу простит и хамство, и подлость, и спокойно признает, что товарищ этот хоть и никакой нам не товарищ, но книгу написал отличную.

У меня на книжной полке лежат прочитанные мной, и, к слову сказать, моей мамой, книги Бондаренко "Дети 37-го года", "Серебряный век простонародья", "Поколоние одиночек", "Три лика русского патриотизма".

Откройте их, и найдёте там имена Андрея Битова, Юрия Кублановского, Ольги Седаковой, Беллы Ахмадулиной... Бондаренко много пишет, скажем, о Владимире Сорокине — и периодически вполне комплиментарно.

Но вы можете представить книгу стайер либерального критика (не буду называть имён, просто не хочу), где он напишет (даже не хорошо, а просто — напишет) статью про Вячеслава Дёгтева или про Веру Галактионову? Да они про Леонида Бородина с Валентином Распутиним ничего говорить не хотят...

У Бондаренко критерий, по сути, один: если писатель уважает язык, на котором пишет, и болеет о стране, для которой пишет, — он становится фактом литературной жизни, а значит, о нём можно и нужно говорить.

Время вытравлило имена многих и многих либеральных оппонентов Бондаренко, столь буино и гордо вистивовавших с самой середины 80-х. И где теперь они? Кто будет перечислять их статьи, полные желчи и маломумия? А Бондаренко свои статьи того времени переиздаёт — и они будто вчера написаны, ни слова менять не надо.

Одновременно с этим у Бондаренко хватает мужества первым сказать в глаза своим однополчанам о том, что патриотам, мужественно перенёсшим и незаслуженное забвение, и многолетнее хамство всевластных либералов, и насильственное отлучение от читателя, возможно, всё труднее противопоставить русское любви литературному любви пришлых, зачастую чуждых русской литературе, но очень активных людей.

Эта бондаренковская честность, — во вред себе, — такая позиция, такое мужество называют коротким русским словом — путь. Бондаренко видит свой путь и идёт им. Вопреки всему. Потому что видит, куда идёт и знает, зачем идёт.

Долгих сил вам, Владимир Григорьевич. Счастливых восходов и спокойных, обещающих завтрашний день закатов в пути.

Критик и публицист Бондаренко слишком часто был прав, чтобы ему было легко. Но пусть будет легко! Опять же: вопреки всему...

Захар ПРИЛЕПИН,
писатель, лидер Движения ЗА ПРАВДУ

Сергей ШАРГУНОВ,
писатель, депутат Государственной Думы

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-21122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф.). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 27 500

Заказ № 0912-2021

Дата выхода в свет — 10.02.2021 г. Подписано в печать 09.02.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ